

ХОЧУ РАССКАЗАТЬ ВАМ ИСТОРИЮ

Мария ТУМАШОВА

Родилась в 1994 году. По образованию – энергетик. Работает оператором нефтегазовых установок. С 2012 года участвует в работе мастерской «Европеец-Азиат» (участник съемочной группы). Живет в Южно-Сахалинске.

Хочу рассказать вам историю, правда, ее немного трудно писать.

Когда мы подростки, нам хочется казаться иными. Но мы не делаем чего-то отличающего нас, чего-то особенного – мы делаем все так же, как другие, но с большей силой... или глубиной, что ли.

В школе я не любила учиться, не любила людей, меня окружающих, я уже точно знала, что я дура и ни на что не способна. Не общалась с родителями и дружила только с теми, кто так же болен, как мне казалось. В восьмом классе, в какой-то из осенних дней, я со своими одноклассниками, как и всегда, сидела в подъезде, нами уже давно облюбованном, – мы обычно поднимались на последний этаж, и там уже были приготовлены места. Мы купили пива, и не просто пива, а две бутылки двухлитрового «ДВ» красного на троих – как так вышло, но для нас это было в порядке вещей... В итоге сама не помню, как дошла до дома, помню только, что была очень грязная и по дороге точно встречала косые взгляды осуждения. Тихо зашла домой, папа возился в комнате. Я тогда с ним не особо дружила, поэтому прошла без особых любезностей и радости встречи. Я прошла в зал, быстро переоделась. Я не видела интерьер комнаты, новые детали, если такие были, не смогла бы описать даже при большом желании. В голову еще бил алкоголь. Я хотела выйти из комнаты и в дверном проеме встретилась с взглядом папы.

Все, что было в голове, вообще все, что было во мне, все мысли, желания, мигом растворились в этом взгляде. «Ты что, пьяная?» – спросил папа, зная ответ. «Нет», – я просто не знала, что ответить. Дальше я ничего не помню, а может, просто не хочу помнить. Когда я проснулась, на улице было темно. Неяркий свет шел

с кухни, и доносился тихий разговор родителей. Я еще не пришла в себя и легла опять спать. Утром я проснулась опустошенная, заметила огромные синяки у себя на теле, но совсем ничего не болело, все вокруг было слишком напряженное и тихое. Я села на кровати, не зная, что в таких случаях делают и вообще что делать дальше. Папа зашел в комнату – я догадалась, что он станет оправдываться и просить у меня прощения, такое у него лицо было. Я сделала вид, что собираюсь в школу. «Ну и как так получилось? Прости меня». А у меня внутри и обиды не было, вообще ничего. Пустота. «Папа, я совсем чуть-чуть», – мне просто нечего было сказать ему, не хотелось говорить «я тебя прощаю». «Да ладно тебе, чуть-чуть». Он обнял меня, и мне пришлось... Дальше мы не разговаривали опять, потому что мы вообще не говорили. Нам не о чем было.

Может, это про папу. Правда, здесь много как-то.

Не помню, сколько мне было, но точно недостаточно для таких событий. Помню, что это было зимой. Около десяти вечера я возвращалась домой от подруги. Она живет в десяти минутах от моего дома. Как всегда, на дороге было скользко, зато фонари в нашей деревне уже поставили и было светло. Но ни души кругом. Я шла с мыслью, что скоро буду дома и сяду на кровать перед телевизором. Я всеми фибрами души была уже в постели. Сзади медленно ехала машина. Я немного испугалась и боковым зрением попыталась разглядеть, чья это машина. Мы тут все друг друга знаем. Страх мой быстро развеялся, когда я услышала слева: «Маша, ты что ходишь так поздно? Давай подвезу». Я быстро разглядела в темной машине Дениса, друга моего старшего брата Игоря. С ним в машине был еще какой-то молодой человек. Я не боялась Дениса, хотя он и не был примером для подражания. Мои родители всегда ставили его в пример в самом нехорошем смысле. «Ты что, хочешь закончить так, как Перегудов?» Он был наркоман, давно забытый своей семьей. «Ладно», – ответила я и села в машину. «Ты откуда? От Кристины?» – спросил меня Денис, чтобы как-то завести разговор. «Да», – ответила я, не очень-то хотелось разговоры заводить. «Давай мы сейчас в магазин заедем и потом быстро тебя отвезем?» – кажется, он с другом и не отводил взгляда от дороги. «Ладно», – у меня в запасе еще есть целый час, мне к одиннадцати домой, думала я, а у самой, где-то там на втором плане, вертится: зачем я села в эту машину, давно бы дома была.

Мы остановились возле нашего единственного магазина. Во дворе, как ни странно, никого не было. Обычно к вечеру здесь или в самом магазине собиралась толпа молодежи, из года в год так, только поколения сменяются. Когда-то отцы стояли, а теперь их дети или младшие братья. У нас тут обычно совсем нечего делать, хотя до города ехать пятнадцать минут. Они вышли из машины молча, Денис и его друг, мы с ним так и не познакомились. Я сидела в машине минут пять и, кажется, совсем ни о чем не думала. Они вышли из магазина, в руках было по

бутылке лимонада. Странно, думаю, почему лимонад. Они сели в машину, и Денис сразу же повернулся ко мне и достал что-то из кармана. «Будешь?» – показывает беломорину. И его друг соизволил на меня посмотреть, но все испортила его ухмылка. «Нет, не буду, мне домой надо», – сказала я и через минуту уже затягивала травку. Не знаю, как это произошло, или не помню. Мы по кругу пускали эту чертову сигарету и молчали. Они только затягивались и слюнявили прогорающий кончик. В машине жутко воняло. Я уже давно знаю этот запах, но только знала. Курить не пробовала. На улице никого. А над нашей машиной то загорался фонарь, то гас. Я последний раз затянулась и больше не брала.

Денис включил музыку, и они разговаривали о чем-то, но для меня уже далеко. Я откинулась на спинку сиденья и куда-то погружалась – далеко-далеко. Туда, где я еще не была. Мне было запрещено входить в это место. Я уже не слышала, о чем они говорят. Вдруг меня начали пугать резкие покалывания в ногах, которые шли выше до колен, потом в живот, в руки, лицо онемело, и эта волна накрыла меня с головой. Я вышла.

Когда я открыла глаза, не поняла, где я. То ли лес, то ли утро уже, то ли я умерла. Увидела смутно, как друг Дениса смотрит на меня. «Маша, все нормально?! Как ты? А мы хотели тебя уже в лес везти и там оставить». Видимо, он пошутил, но мы точно были где-то почти в лесу. «Да, нормально все», – еле шевеля губами, я все-таки смогла выговорить. «На, попей лучше», – дал мне лимонад Денис, а сам, видимо, еле сдерживает смех. «Ну ты и напугала нас». Я взяла бутылку и изо всех сил пытаюсь открыть. Она была уже открыта, но у меня никак не получалось снять эту проклятую крышку. «Давай сюда, открою», – вызвался мне помочь друг слева. Я еще ощущала колики по всему телу и дрожь, я ужасно замерзла. Надо домой, надо домой, надо домой – твердила я про себя. Впереди на часах еще не было одиннадцати. Мне отдали бутылку. Я попила, и стало намного лучше. Так вот почему лимонад, усмехнулась я где-то внутри себя.

«Ты до дома дойдешь?» – спросил меня Денис. Они оба смотрят на меня и, кажется, как и я, жалеют об этой встрече. «Да, нормально все», – мне стало лучше, но страх не покидал меня. Мы развернулись и так же молча доехали до моего дома. Я открыла дверь. «Ну давай, осторожно. И, наверное, никому не надо говорить о сегодняшнем». Я молча вышла. Ноги трясутся. Страшно, вдруг сейчас все не спят.

Я поднялась на второй этаж. Но мне стало хуже. В глазах плывет, и сердце бешено бьется. Кажется, оно сейчас сломает грудную клетку. Я глубоко вдохнула и не могла выдохнуть, потому что сердце и грудь невыносимо жгло. Я вошла домой. В зале горел свет и играл телевизор. Видимо, никто не спит. Я быстро прошла в комнату. Села на кровать и принялась снимать одежду, чтобы лечь скорее в кровать. В комнату зашла мама. В шкафу лежали полотенца. «Ты где была?» – мама, как обычно, спросила у меня, роясь в шкафу. Мне стало невыносимо плохо.

«Мама, мне плохо. Я сейчас умру...» – и я заплакала. Мама подбежала ко мне. «Что болит? Ты упала? Головой ударилась?» «Дааа...» – проревела я ей, не зная, что можно было еще сказать. «У меня сердце болит, сейчас разорвет там все», – я уже задыхалась от невозможности дышать. «Быстро давай все снимай, и в кровать. А это что? Ты почему такая ледяная?» Мама от испуга не знала, как себя вести. Я и правда чувствовала телом ее горячие руки, они обжигали, как кипяток. Снаружи тело было ледяное, а внутри все горело до одури.

«Толь, быстро звони в «скорую», Маше плохо». «Что случилось?» – папа прибежал на мамины крики. «Не знаю, вызови «скорую» быстрее». Мама погрела мои ноги руками и укутала в толстое пуховое папино одеяло; как же я люблю это одеяло, подумала я. «Сейчас, подожди, доктор приедет». Она выключила свет в комнате и пошла к папе. В голове я прокручивала цепочку событий и причину. В голове вообще было много картин и раздумий. Видимо, это трава так действует. Мне стало теплее, но сердце сильно билось. Казалось, кровь сейчас вскипит от скорости сердца. Ведь такое бывает, наверное. Я услышала, как кто-то плакал в другой комнате. Может, я слышала, а может, и показалось мне. Но даже если и так, я рада, что все так получилось. В этот момент, когда я задыхалась, а мое сердце рвало мне грудную клетку. Я уже точно не хотела больше никогда в жизни услышать плач моих самых родных.

Вечером мама вязала варежки девушке моего самого младшего брата, они переехали уже к родителям в дом. Папа в такое время садится ужинать, но теперь у нас полноценные семейные ужины. Мы все ждем, пока Сережа и Настя приедут с работы, чтобы всем вместе сесть за стол. Я, папа и мама сидим в комнате мамы, они уже спят отдельно, каждый обвиняет другого, что тот громко храпит, хотя все мы знаем, что они оба ужасно храпят. Всегда обожала родительскую кровать, она заражает аурой сна, как только садишься, хочется утонуть в ней. В детстве я всегда ложилась спать в их кровать, а когда папа шел спать, он относил меня в мою. Мы сидели на кровати, а наш пес, маленький, но очень старый пинчер, сидел у маминых ног, он вообще от нее ни на шаг не отходит. По телевизору шел какой-то очередной русский сериал про полицию и бандитов, родители обожают такие сериалы.

«Покрутите, а то у меня уже руки отваливаются», – мама дала мне и папе по клубку серой пряжи, из которой и мои варежки.

Мама разъединяла большой клубок сдвоенных ниток на два, а мы с папой скручивали.

«Папа, неправильно крутишь, – говорю я, – нужно не нитку на клубок накручивать, а клубок на нитку».

Я лежала поперек кровати между родителями, папа посмотрел на меня. «Посмотрим, кто быстрее скрутит», – сказал он мне, улыбаясь. А я в этот момент совместного дела почувствовала какую-то полноту всего окружающего. Как будто все так и должно быть, но мы до этого так долго шли. •